

— Идёт, идёт! Он самый! — зашептались в реке два водяных, сгрудившись у берега и не сводя глаз с Су Яня, стоявшего на речном откосе.

Даоси Су не удостоил их вниманием. Он лишь присел на корточки и трижды легонько похлопал ладонью по земле. Тотчас по речной глади побежала зыбь, из воды показался край какого-то предмета, стремительно двинувшегося к берегу. словно живой, он с плеском вырвался на воздух, взметнув веер брызг, которые заиграли в лучах утреннего солнца семицветной радугой. Ослеплённые этой вспышкой водяные поспешно скользнули в тёмную глубину.

Су Янь поймал его на лету. Это было то самое медное зеркало, которое он вчера вручил Тянь Ци. Удерживая пальцами выпуклую рукоять на обороте, даос вполголоса пробормотал заклинание и резко нажал на неё. Из зеркальной глади, словно из проруби, выскочила мокрая чёрная лягушка.

Всё это время Тянь Ци томился в зеркальном плену. Лишённый возможности видеть, что творится снаружи, несчастный демон изнывал от страха; в темноте он совершенно потерял счёт времени и не понимал, сколько часов — или дней — уже прошло.

Когда непреодолимая сила вытолкнула его наружу, он едва не закричал от испуга, но, узнав знакомое лицо Су Яня, разом обмяк. С души словно свалилась вековая глыба, а из выпуклых глаз брызнули слезы.

— Даоси Су, я... я... — Тянь Ци так захлёбывался слезами, что не мог выговорить ни слова. Потребовалось немало времени, чтобы он унял икоту, утёр мордочку лапкой и дрожащим голосом заговорил снова: — Вчера ночью... появились двое. С виду чистые рыбаки. Они... они забрали сестриц-рыб!

— Рыбаки? — недоверчиво переспросил Су Янь.

Хоть три рыбьих духа и не отличались глубоким совершенствованием, они всё же обрели плоть и разум. Обычным смертным ни за что не удалось бы совладать с ними, не то что поймать.

Он бережно опустил Тянь Ци на траву, но перепуганный насмерть лягушонок мгновенно развернулся и мёртвой хваткой вцепился лапками в сапог даоса, наотрез отказываясь отпускать его. Скользнув ладонью по зеркальной глади, он тихо напел несколько странных созвучий, и медная поверхность подёрнулась дымкой, являя туманные образы прошедшей ночи.

Тянь Ци из любопытства перестал дрожать и вытянул шею, а мгновение спустя изумлённо пискнул:

— Ой, да это же мы!

На тусклой меди проступила живая картина: Тянь Ци увлечённо спорил с тремя рыбьими девами.

Лягушонок тут же приободрился, вспомнив подробности:

— Это вчерашняя ночь! Мне всё никак не спалось, вот я и решил с ними немного поболтать.

— Тише, смотри дальше, — Су Янь легонько коснулся пальцем его скользкой макушки, призывая к молчанию.

Изображение потекло дальше. Внезапно гладь подёрнулась резкой рябью, заколыхалась, и в кадре замелькали длинные, перепутанные зелёные и чёрные стебли.

— Это я вместе с зеркалом в самые густые водоросли зарылся, — зашептал Тянь Ци, стараясь не шуметь.

— Когда появились те двое? — спросил Су Янь.

— Сейчас, сейчас полезут, — задрожал лягушонок, ещё крепче сжимая лапками лодыжку даоса. — Стоило мне уйти под воду, как зеркало ярко озарилось изнутри.

Как он и говорил, изображение в зеркале неуловимо изменилось. Сквозь колышущуюся речную траву и толщу мутной воды проступили очертания скользящей по поверхности лодки. На ней стояли двое с длинными острогами. Сначала один из них достал небольшую склянку и высыпал в воду пригоршню крошечных чёрных личинок.

Коснувшись воды, эти мерзкие твари мгновенно побелели, а затем и вовсе растворились в ней, став абсолютно прозрачными. Если бы не волшебные свойства зеркала, запечатлевшего этот миг, ни человек, ни демон не заметили бы подвоха.

Черви стремительно бросились к замершим рыбьим девам. К тому моменту Тянь Ци, почуяв смертельную опасность, уже скрылся в медном зеркале. Как только его силуэт пропал из виду, прозрачные бестии раздулись в несколько раз, соткав вокруг беззащитных духов плотную, невидимую сеть. Почувствовав неладное, девы отчаянно забились, пытаясь прорвать неосязаемую преграду, но всё было тщетно. Вскоре рыбаки занесли свои остроги и без труда выудили беззащитную добычу.

Свалив трепещущих пленниц в глубокие плетёные корзины, похитители не стали тратить время на поиски и прочёсывать реку. Они хладнокровно убрали снасти и быстро уплыли прочь. Лишь благодаря этому Тянь Ци уцелел.

Заворожённый развернувшейся картиной, демон начисто позабыл о недавнем ужасе. Он зачарованно шагнул к медному зеркалу, намереваясь коснуться его лапкой, но Су Янь вовремя

это заметил и перехватил его.

Су Янь аккуратно приподнял Тянь Ци за сильные задние лапы и отсадил подальше от опасного артефакта:

— Берегись. К этому зеркалу нельзя прикасаться бездумно.

Лягушонок послушно закивал широкой головой, но всё же с любопытством спросил:

— Даоси Су, но почему же вчера ночью я преспокойно сидел внутри него, а сейчас мне даже коснуться его нельзя?

— Вчера я заблаговременно наложил на него защитное заклинание, потому ты и уцелел, — ответил Су Янь, бережно пряча артефакт в складки широкого рукава и поднимаясь во весь рост. — Истинное назначение зеркал — являть скрытое. Недаром великий мудрец Гэ Хун писал: «Лишь подлинного облика в зеркале не утаить». Каким бы высоким ни было искусство превращения у демона, зеркало обнажит его истинное естество. Если бы вчера на этой меди не лежала моя печать, зеркало выжгло бы твою душу дотла.

Тянь Ци благоговейно закивал. Свою человеческую жизнь он позабыл давным-давно, обратившись в духа по чистой случайности. Никто из мудрых наставников не направлял его на пути совершенствования; натерпевшись лишений в скитаниях, он в конце концов прибил к этому речному откосу.

Места здесь были гиблые, с плохим током духовных сил, так что сильные сущности брезговали селиться в поймах, а мелкие духи целыми днями предавались праздности, даже не помышляя о духовном росте — впрочем, они и понятия не имели, с какого боку к нему подступиться. Выросший среди такого сброда лягушонок, разумеется, ничего не смыслил в тонкостях даосской магии.

— Даоси Су, а куда мы теперь?

Су Янь отвязал от пояса расшитый мешочек:

— Спрячься пока сюда. Мы отправляемся в Сицзин.

— В Сицзин? — Лягушонок послушно шмыгнул внутрь. Из глубины плотной ткани донёсся его приглушённый голосок: — Неужто те рыбаки скрылись в столице?

— Пока не знаю, — честно признался Су Янь. — Но когда мы окажемся за городскими стенами, мне понадобится твоя помощь. Сумеем ли мы выйти на их след — зависит только от тебя.

Поняв, что благородный даос готов вызволить его названных сестёр, Тянь Ци горячо заверил:

— Даоси Су, только велите! Я из кожи вон вылезу, а дело исполню!

Су Янь вернулся в Храм Высшего Таинства. Отыскав юного послушника, он попросил у него уединённый покой в дальнем крыле и велел присмотреть за дверями, дабы никто не нарушил его покой.

Для Тянь Ци это было первое посещение даосской обители. Мелкие духи вроде него, хоть и обделены великой силой, обладали звериным чутьём на угрозу. Храм Высшего Таинства оставался крупнейшим оплотом праведной веры во всём Сицзине, здесь постоянно пребывали десятки истинных подвижников. Разлитая в воздухе плотная, выверенная веками духовная энергия заставила несчастного лягушонка мелко задрожать — он едва сдерживался, чтобы не распластаться по полу, вымаливая пощаду у невидимых грозных божеств.

— Полно тебе, не бойся, — Су Янь ласково коснулся его спинки. — Скажи, ты ведь разыскал меня благодаря подсказке воробьиного духа из столицы?

— Д-д-да... всё так, — пролепетал Тянь Ци. Он дрожал так сильно, что едва выговаривал слова.

Понимая, что в святых стенах бедному демону не вздохнуть, Су Янь со вздохом раскрыл горловину дорожного мешочка:

— Ладно уж. Давай уйдём отсюда.

Не успели слова сорваться с его губ, как лягушонок пулей скользнул обратно в темноту тканевого убежища и затаился на самом дне, наотрез отказываясь показываться наружу.

Су Янь с мягкой улыбкой покачал головой. Насыпав в ладонь караулившему у дверей послушнику горсть засахаренных кедровых орешков в благодарность за верную службу, он покинул обитель.

Выйдя за ворота храма, даос остановился, раздумывая, куда направить стопы, как вдруг с левой стороны улицы донёсся яростный перестук копыт. Обернувшись, он увидел роскошный экипаж, несущийся во весь опор прямо по людному тракту. Развалившийся на облучке возница нещадно размахивал кнутом, осыпая прохожих отборной бранью. Тот, кто замешкался и не успел отпрянуть к лавкам, безжалостно получал хлёсткий удар по плечам.

Прямо посреди мостовой застыл маленький мальчик, у ног которого катался бамбуковый мяч. Перепуганный грохотом и дикими криками, ребёнок замер как вкопанный, не в силах сделать и шага.

Кучер отлично видел преграду, но даже не подумал натянуть поводья. Напротив, он лишь пуще

прежнего замахнулся кнутом, истошно завопив:

— С дороги, отродье! Жизнь надоела — под колёса гуна Нью лезть?!

При этих словах уличная толпа испуганно ахнула. Прохожие малодушно попятились, зашептались, но ни один не посмел сделать и шага вперёд, чтобы утащить ребёнка с копытного пути.

В одно мгновение Су Янь оказался рядом. Перехватив оцепенелого мальчишку за плечи, он рванул его на себя, укрывая в широких руках своего одеяния, и тут же, крутнувшись на пятках, аккуратно перебросил спасённое дитя в руки растерянному прохожему.

Экипаж летел прямо на даоса. Казалось, столкновение неизбежно, но в следующую секунду четвёрка коней истошно взвизгнула, вздыбилась, и тяжёлая карета с оглушительным треском завалилась набок, пропахав колёсами пыль.

Кучер успел соскочить на землю в самый последний миг, едва не угодив под колёса. Одного из коней упряжь потянула за собой; животное с глухим стуком повалилось на разбитый кузов, отчаянно брыкаясь.

Из завалившейся кареты послышались яростные проклятия, перемежающиеся тонким детским плачем. Опомившись, возница бросился поднимать запутавшегося коня, рванул поводья и с досады с силой пнул скотину по крупу. Животное испуганно захрапело, но подчинилось, мелко перебирая копытами на одном месте.

Суетливо сорвав парчовую занавесь, кучер протиснулся внутрь кузова и вытащил наружу щегольски одетого молодого человека.

Су Яню не потребовалось много времени, чтобы узнать пострадавшего. Перед ним стоял Нью Чуньхуэй — тот самый скандалист, что уже дважды за последнее время пытался досадить Пэй Цзинсину.

Нью Чуньхуэй издавна славился своим буйным нравом и бесчинствами в столице, так что среди зевак быстро нашлись те, кто признал его. В толпе зашептались:

— Да это же внук старого гуна Нью! То-то я гляжу, повозка несётся сломя голову. Самому-то гуну уже за пятьдесят перевалило, его бы на такой скорости растрясло до полусмерти.

— Внук гуна Нью? Ох, от таких людей надо держаться подальше...

— Уходим, уходим от греха! У старика один-единственный внук остался, пылинки с него сдувает. Если на нас собак спустят — вовек не отмоемся.

— И поделом ему! Чистое наказание небес!

— Пойдите, а кто это там так заливается? Слышите, детский плач? Неужто у старого гуна правнук родился, а мы и не знали?

— Да мало ли где этот шельмец погулял! Нагулял бабу на стороне, вот и тащит приплод. Всё, уходим, уходим, негоже стоять глазеть. Свяжешься с такими — костей не соберёшь.

Кое-кто из боязливых прохожих поспешил убраться, но любопытствующих зевак прибывало всё больше. Ню Чуньхуэй, опираясь на плечо слуги, истошно охал и держался за ушибленные бока, но стоило ему краем глаза заметить стоявшего неподалёку Су Яня, как стоны его мгновенно утихли.

— О, драгоценный молодой господин! Какая неожиданная встреча, — придав голосу елейности, заговорил он.

При падении щеголь прилично приложился лицом: на скуле наливался багровый синяк, а из носа сочилась кровь. Тем не менее он упрямо пытался принять позу галантного столичного господина, отчего выглядел до крайности комично.

Су Янь не удостоил его даже взглядом. Быстрым шагом подойдя к разбитому кузову, он заглянул внутрь и аккуратно вызволил из-под обломков отчаянно рыдающего малыша.

Ребёнку было от силы года четыре. Он выглядел совсем истощённым и крошечным, куда мельче того храбреца с бамбуковым мячом. На его личике явственно проступали багровые пятна и следы от побоев — ушибы были старыми и свежими, явно не от сегодняшней аварии.

Когда Су Янь прижал его к себе, он обнаружил, что тонкие запястья мальчика туго стянуты за спиной грубой бечёвкой, а у самых уголков рта налились тёмные полосы — несчастному долго и безжалостно затыкали рот тряпкой.

— А-Фу! — внезапно донёсся отчаянный крик из-за спин зевак.

Пока Су Янь растерянно держал на руках избитого пленника, сквозь толпу с боем пробилась запыхавшаяся женщина средних лет. Заметив своего первенца в руках прохожего, которому даос передал его минутой ранее, она стрелой бросилась к нему.

— А-Фу! Мальчик мой, ты цел? Живой?! — причитала она, выхватывая ребёнка и лихорадочно осматривая его руки и ноги.

Тот только сейчас опомнился от пережитого страха, уткнулся мокрым носом ей в плечо и жалобно разрыдался, крепко обнимая мать за шею.

Малыш А-Фу горько плакал на руках у матери, а укрытый в объятиях даоса пленник, словно вторя ему, закричал ещё пронзительнее. Этот безутешный дуэт звенел над всей мостовой.

Заметив, как одеревенел молодой даос, не знающий, с какого боку подступиться к рыдающему младенцу, из толпы выступила пожилая горожанка. Она бережно приняла дитя из его рук и принялась ласково баюкать. Едва её взгляд упал на верёвки и синяки на нежной коже, лицо её посуровело.

— Люди добрые, да ведь этот малец ему вовсе не сын! — громко заявила она, указывая на Ню Чуньхуэя.

Выпалив это, она гневно зыркнула на Ню Чуньхуэя. Су Янь тоже перевёл на него взгляд, и на его лбу пролегла глубокая складка.

— Что ты там лопочешь, деревенщина немытая! — взревел возница, заслоняя собой помятого господина. — С какой стати этому благородному дитяти не быть кровным наследником дома гуна Ню?!

— Из дома гуна Ню?.. — испуганно ахнула женщина. Спеси у неё поубавилось, она попятилась, пряча личико мальчика у себя на плече.

Су Янь не остался в стороне:

— Насколько мне известно, почтенный гун Ню уже разменял шестой десяток. Этот же молодой человек едва вышел из юношеских лет. С каких пор он зовётся главой дома?

Возница насупился, готовый разразиться новыми проклятиями, но Ню Чуньхуэй жестом велел ему замолчать. Слегка оттолкнув слугу, он угодливо поклонился Су Яню:

— Сударь, я — законный внук нынешнего гуна Ню и единственный преемник его титула. Похоже, между нами протянулась незримая нить судьбы: в бескрайнем Сицзине мы встречаемся уже в третий раз! Могу ли я иметь честь узнать ваше имя?

Су Янь даже не повернул головы в его сторону:

— Разве мы встречались?

Сладкая улыбка Ню Чуньхуэя мигом увяла, уступив место глухому бешенству. Ему, единственному внуку великого гуна и без пяти минут главе знатного рода, достаточно было лишь поманить пальцем, чтобы смазливые юнцы и девицы толпами выстраивались в очередь, готовые на всё ради одной ночи в его спальне. А этот дерзкий бродяга посмел отмахнуться от него ленивым вопросом, даже не удостоив взглядом!

Су Янь на сей раз и вовсе не удостоил его ответом. Повернувшись к хлыщу спиной, он бережно принял притихшего мальчика из рук горожанки и тихо спросил:

— Малыш, ты помнишь, где твой дом?

Дитя было ещё слишком мало, чтобы назвать улицу или квартал. Шмыгнув носом, малец пролепетал:

— Там... там у нас деревья большие-большие растут. И кадки стоят огромные, а в них вода цветная-цветная, всякая разная!

— Похоже на красильню, — негромко подсказала даосу сердобольная женщина. — Верно, его семья держит красильное дело или ютится у ткацких рядов.

— Премного благодарен, — кивнул Су Янь и, поудобнее перехватив притихшего мальчугана, двинулся прочь сквозь расступающуюся толпу.

Оставшись ни с чем, Ню Чуньхуэй едва не задохнулся от злости. Но разум подсказывал ему, что состязаться в красноречии с упрямым даосом сейчас бесполезно — важнее было забрать мальчишку, пока тот не наговорил лишнего.

Он бросился наперерез Су Яню, бесцеремонно пытаясь ухватить его за плечо:

— Позвольте! Этот малец — сын моего доброго приятеля. Тот уехал по важным делам и оставил дитя под моим присмотром. Извольте вернуть его немедленно!

Су Янь, словно у него на затылке выросли глаза, отпрянул в сторону, и рука Ню Чуньхуэя схватила пустоту.

— Сын твоего приятеля? — холодным эхом отозвался даос. Он мягко заглянул в заплаканное личико мальчика: — Скажи, ты знаешь этого дядю?

— Не-а, не знаю! — испуганно мотнул головой малец. — Он злой! Сказал, что даст мне конфетку, а сам связал, бросил в повозку и рот тряпкой заткнул, чтоб я не кричал!

По уличной толпе прокатился яростный ропот. Прохожие сошлись в плотное кольцо, устремив на Ню Чуньхуэя полные презрения и ненависти взгляды.

— Слыхали?! Внук самого гуна Ню, а промышляет разбоем да кражей детей!

— Воровское отродье, да ещё смеет заливать про приятеля! Какое бесстыдство!

— И зачем, спрашивается, ему сдалась эта кроха? Связал, кляп в рот засунул... Какое зверство!

— Каким же нужно быть чудовищем, чтобы издеваться над безвинным ребёнком!

— Батюшки, а ведь в столице за последний месяц почитай десяток ребятишек да молодых девок как сквозь землю провалились! Неужто этот мерзавец их и воровал?!

— А ну заткнитесь, шваль придорожная! — взвизгнул Ню Чуньхуэй, чьё лицо от стыда и ярости пошло багровыми пятнами. Бессильно пригрозив толпе кулаком, он сорвал злость на подвернувшемся слуге, вlepив кучеру звонкую пощёчину:

— Свинья нерадивая! Как ты правил конями, а?!

Ошарашенный слуга схватился за горящую щеку, лепеча сквозь слёзы:

— Молодой барин, видит небо, я правил как всегда! Лошади словно на невидимую преграду налетели, карету мотнуло — и сразу набок...

Ню Чуньхуэй сердито уставился на то место, где опрокинулся экипаж. Но невидимые даосские пути давно растаяли без следа, так что разглядеть на истоптанной мостовой причину крушения было решительно невозможно.

Понимая, что его выставили на посмешище, раздосадованный вельможа отвесил слуге ещё несколько хлёстких оплеух:

— И что мне теперь делать, прикажешь пешком по грязи тащиться?!

— Пощадите, барин! — залепетал кучер, уклоняясь от ударов. — Тут за углом знатная ресторация стоит. Вы обождите там, а я духом слетаю в усадьбу и пригоню новый экипаж!

Оставаться под прицелом сотен враждебных глаз Ню Чуньхуэю было неважоту. Презрительно фыркнув, он зашагал в указанную сторону, велел избитому слуге расчищать дорогу.

Толпа расступилась, провожая его угрюмым молчанием. Хотя каждый на этой улице понимал, что перед ними подлый похититель детей, тягаться с могущественным кланом гуна Ню никто не посмел.

Су Янь ласково похлопал притихшего мальчугана по худенькой спине, укрывая его полкой просторного даосского халата:

— Не бойся, маленький. Пойдём искать твоих родителей.

<http://bllate.org/book/18419/1867371>